

Балетмейстеры Рафига Ахундова и Максуд Мамедов репетировали созданную ими «Азербайджанскую сюиту». После репетиции разговорились с Таиром Таировым, молодым художником, завсегдаем театра. Узнав, что тот изучает азербайджанский национальный орнамент и роспись тканей, Максуд неожиданно предложил: «Ты бы попытался создать костюмы к нашему балету. Попробуй... Можешь дать себе полную свободу: ведь это не на конкурс и не на отметку, а так — для дружеской оценки».

Таира так увлекла эта мысль, что все последующие дни он не мог думать ни о чем другом. Современная хореография, отличающаяся экспрессивностью танца, требует лаконичного костюма, который не только бы не стеснял движения, но и помогал их подчеркивать.

В женском костюме художник сначала попытался как-то изменить длиннополую юбку, но все выходило не так. И, наконец, осеняет неожиданное решение: удлинить верхнюю часть женского национального костюма «дон» наподобие короткого платья, а от юбки вообще отказаться. Но это по существу техническая сторона вопроса, важно найти цветовую гамму костюмов. Отобрав три цвета — черный, фиолетовый, красный, — художник варьирует ими строго в этих пределах, если не считать росписи тканей золотом. Выбор сделан, безусловно, удачный: четко и выпукло отражают строгие, мажорные краски костюмов торжественно — праздничные ритмы азербайджанского танца. Эскизы, которые принес Таир на суд молодых балетмейстеров, были приняты ими безоговорочно.

Вскоре Р. Ахундова и М. Мамедов приступили к постановке хореографических картинок «Яллы» и опять пригласили участвовать в ней Таирова. В основу картинок был положен древний и вечно молодой азербайджанский народный танец «Яллы» — это и ликующий танец охотников в честь удачной добычи, и победная пляска воинов, одолевших врага.

В те далекие времена нередко вместе с мужчинами отражали нападения врагов и женщины, об этом свидетельствуют истории древности. И, повидимому, не в юбках седлали они коней и бросались в бой. Эти размышления об истории возникновения «Яллы», как ритуального победного танца, приводят молодого художника к оригинальному решению костюмов, которые не только органично сочетаются с хореографией балета, но и всему спектаклю сообщают очень точный эмоциональный настрой.

Если спрашивают Таирова, как он придумал костюмы, откуда взял колорит красок и узоры тканей, он говорит: «Это придумал не я. Это издавна создано самим народом, многими поколениями искусных азербайджанских мастеров. Я учусь у них, пытаюсь постичь хотя бы некоторые мудрые законы и секреты их творчества». Например, в «Яллы» в костюмах я применил излюбленное художниками древности сочетание цветов: синий и сиреневый, фиолетовый и бирюзовый. Узоры нушанов повторяют узоры старинной азербайджанской ткани «тирмя». Следуя художественной логике балетмейстеров, строящих танец по геометрическому принципу ковровых рисунков, я стремился подчеркнуть это красками и узорами костюмов».

Но самые очевидные достоинства, находки древних народных мастеров останутся за семью печатями, если художнику не достает тонкости на-

блюдений, вкуса, чувства меры и, конечно, большой любви к искусству родного народа.

У Таирова есть эти качества, и по-новому они раскрылись во время работы над балетом «Налейдосноп». Балет был задуман композитором Ф. Караевым, балетмейстерами Р. Ахундовой и М. Мамедовым, как бессюжетный. Но музыка, в основу которой были положены темы сонат Скарлатти, требовала точной передачи времени и стиля. Снова и снова вслушивался Таир в мелодию музыкальной партитуры, пытаясь перевести звук в «иное измерение» — в живопись. Прозрачные и чистые, словно серебряные звуки навели на мысль о фоне, доминирующем цвете — серебристом, тепло мерцающем, который «продлевают» овальные, в старинных ажурных рамках зеркала, полукругом опоясывающие сцену. Зеркала помогают подчеркнуть атмосферу нереальности, некоторой фантастичности происходящего. Фигуры танцующих ненадолго являются перед нами, словно из волшебной страны, и вновь исчезают за золочеными зеркальными рамами.

А как они должны выглядеть, эти фигуры, или, иначе говоря, как их одеть? Никакой пышности, но обязательно в духе времени; поменьше яркости, но чтобы цвет радовал глаз.

Глядя на многочисленные рабочие эскизы, можно, хотя и весьма приблизительно, проследить долгий путь поисков: меняются цвета и оттенки, облегчается крой костюма, отбрасываются украшения. И, наконец, вот они, окончательные эскизы: эластичные, облегчающие тело костюмы пастельных тонов — розового, сиреневого, салатового. Лишь один яркий цвет — бордовый — как отклик на контрастные, резкие тона, возникающие иногда в музыке. Костюмы совершенно гладкие — только черная тесьма выложена в прихотливый грациозный узор, который как бы повторяет изящные, графически четкие линии танца.

В этом балете, что случается не часто, происходит точное и гармоническое слияние трех стихий — музыки, танца и живописи, которые взаимно дополняют, обогащают друг друга.

Итак, третья успешная и, главное, непохожая на повторяющую ничью, работа Таирова. Однако не будем спешить, заявляя, что он, безусловно, талантлив. Скажем так: он серьезен и очень трудолюбив.

Его планы: успешно окончить Азербайджанский институт искусств, чтобы учиться дальше, совершенствоваться. Ибо мечта Таира — станковая живопись. Наверное, и эта высота будет доступна ему, но как бы ни сложилась дальнейшая судьба художника, она все равно не разлучит его с театром. Потому что это его первая любовь — и на всю жизнь.

Людмила КРАСОВСКАЯ.

На рисунках: эскизы костюмов, созданных Таиром Таировым к «Азербайджанской сюите».

